

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81.373 : 811.161.1

Войлова К.А.

Московский государственный областной университет

НУЖНА ЛИ РЕФОРМА ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА?

K. Voilova

Moscow State Regional University

DOES THE CHURCH SLAVONIC LANGUAGE NEED TO BE REFORMED?

Аннотация. Проблема функционирования языка в социуме всегда сопровождается рядом причин, или стимулирующих это функционирование, или тормозящих его. Церковно-славянский язык как язык сакральный, будучи языком нормированным и кодифицированным, в меньшей мере зависел от коллизий, связанных с развитием социума, тем самым он сохранил свою первоизданную чистоту и стал «непонятен» для приходящих в церковь. Статья посвящена защите церковно-славянского языка как лингвистического феномена, столетиями оберегаемого Русской Православной церковью.

Ключевые слова: церковно-славянский, старославянский, книжно-славянский, языковая ситуация, двуязычие, Равноапостольные Кирилл и Мефодий, славянские культура и язык.

Abstract. The functioning of a language in a society is always subject to various stimulating and suppressive impacts. Church Slavonic, a sacral language, standardized and codified, has been less dependent on the collisions associated with the development of the society. It has thereby preserved its original purity, but it has become incomprehensible to those who attend church services. This article defends the Church Slavonic language as a linguistic phenomenon that has been protected by the Russian Orthodox Church over centuries.

Key words: Church Slavonic, Old Slavonic, bookish Slavonic, linguistic situation, bilingualism, Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, Slavic culture and languages.

Старославянский язык, созданный по заказу для нужд церкви, начал формироваться под влиянием практических задач, стоящих перед средневековым христианским миром: «...слышите, славянские народы, слышите слово, кормящее человеческие души, укрепляющее сердце и ум... Как без света не может быть радость глазу, такова же всякая душа без грамоты...» [9].

Созданный усилиями святых братьев-миссионеров Константина (Кирилла) и Мефодия и их учеников, осуществивших перевод почти всех книг Священного Писания, старославянский язык стал проводником культуры книжного слова среди славянских народов, выполнив таким образом миссию единого языка «культурной нации» Средневековья.

Однако близость старославянского языка к другим славянским языкам, надтерриториальный и наддиалектный характер обусловили не только его быстрое распространение, но и

его быстрое исчезновение. Воспринимаемый в славянском мире в качестве своего, а не чужого языка, старославянский язык, оказав значительное влияние на становление различных славянских литературных языков, сам подвергся активному воздействию со стороны живой речи славянских народов – так закончилась эпоха старославянского языка и началась эпоха церковно-славянского языка¹.

У восточных славян старославянский язык лёг в основу не только церковно-славянского языка, но и книжно-славянского типа литературно-письменного языка, который пережил сильнейшее *формальное* воздействие со стороны старославянского языка, сохранив содержательную сторону литературно-письменного языка древнерусской народности: «Всё переведённое и написанное в Древней Руси русскими книжниками было написано на русском языке, родном языке авторов и переводчиков. В этом смысле древнерусский литературный язык мог иметь и действительно имел только русскую основу», – замечает А.И. Горшков [2].

Древняя Русь, открыв перед собой дверь в чуждую ей культуру, приобрела неограниченные возможности приобщения к духовной жизни в Православной Церкви через овладение богословской мыслью, через само богослужение, через художественное творчество мировой религиозной культуры. Один из ведущих церковных историков А.В. Карташов писал: «Св. Владимир, когда вводил

на Руси христианство, то вместе с переменной веры более всего заботился о превращении своего народа в просвещённую культурную нацию по подобию Византии» [4].

Богослужебная литература, распространившаяся на Руси, переданная изначально старославянским языком восточнославянского извода, а впоследствии церковно-славянским языком, позволила неискушённому в богословском творчестве древнерусскому книжнику грамотно сориентироваться во многих догматических вопросах православного вероучения, овладение которым было затруднено вследствие отсутствия на Руси традиций богословско-философской культуры.

Переводы с греческого предполагали превосходное знание греческого языка. Такими знаниями обладало духовенство, поэтому первыми русскими писателями становятся священники, монахи, основатели и законодатели Русской Православной церкви: митрополит Иларион, новгородский епископ Лука, игумен Печерского монастыря Феодосий, киевский дьяк Иоанн, летописец Нестор, игумен Сильвестр, Клементий Смолятич, Кирилл Туровский и т. д. – просветители русского народа XI-XII вв.

Средневековый книжник, переводя древние тексты с греческого языка, должен был не только грамотно и адекватно донести смысл переводимого, но и проникнуть в суть культурного пласта написанного и с достоверной точностью посредством уже славянского литературного слова передать и изобразить картину библейского мира. А для этого он должен был глубоко и тщательно изучать культуру, литературу, историю древнего мира, приобщаясь таким образом к древним сокровищницам мировой культуры и искусства книжного слова. При списывании старославянских канонических текстов и при составлении различных текстов богослужебного и светского характера книжки иногда невольно, а иногда и сознательно допускали отступления от норм в использовании языковых единиц старославянского

¹ Орфография термина 'церковно-славянский' в современном русском языке отличается удивительной непоследовательностью: словари, справочники, учебная и научная литература предлагают писать это слово либо слитно, либо через дефис, не объясняя при этом причины такого написания. На наш взгляд, все слова с первой частью сложного прилагательного *церковно-* следует писать через дефис на том основании, что это сложные слова, образованные соединением равноправно употреблённых слов (*церковный* и *славянский*), а не основами слов, отношение между которыми носит подчинительный характер (*церковный славянин*). См. также Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно // Опыт словаря-справочника. – М.: «Русский язык», 1983. – С. 816 – 817, где приведены все слова с начальной частью *церковно-*.

языка – в результате возникал своеобразный письменный язык, в котором переплетались элементы родной живой речи и книжные элементы старославянского языка. Этот новый, скрещенный язык и становился первым письменным языком славян. Становление первых письменных языков, основанных на скрещивании книжных элементов старославянского языка и единиц родной, живой речи, наблюдалось у восточных славян, у болгар, сербов (восточнославянская, болгарская, сербская редакции старославянского языка).

У восточных славян старославянский язык дал толчок для развития не только церковно-славянского языка – языка церкви и богослужебной литературы, но и книжно-славянского типа литературно-письменного языка – языка светской литературы (В.В. Виноградов). Эти два типа книжного языка, имевшие один источник, различались семантикой, функциями, отношением к живым формам древнерусского языка.

Церковно-славянский язык, обслуживающий богослужебную литературу, уже в первые столетия после крещения Руси донес до восточнославянского мира крупнейшие произведения церковного творчества Православия, отражая самые разные проблемы и тематику христианского учения. Такие произведения церковно-славянского языка, как «Точное начертание православной веры» св. Иоанна Дамаскина, слова «Против ариан» св. Афанасия Александрийского, слова «О богословии» св. Григория Богослова, «Огласительные и тайнодейственные поучения» св. Кирилла Иерусалимского, являясь канонической литературой, отражали нормированный и кодифицированный церковно-славянский язык, который являл собой совершенство норм, стройность и красоту, лаконичность и огромные изобразительно-выразительные потенциалы.

Книжно-славянский тип литературно-письменного языка обслуживал жанры светской литературы. При этом и церковно-славянский, и книжно-славянский типы

древнерусского языка, восходящие к старославянскому языку, в жанровом отношении полностью совпадали, так как и тот и другой обслуживали жанр жития, жанр проповеди, жанры паломнической литературы и т. д. Однако книжно-славянский тип литературно-письменного языка не был нормированным и кодифицированным, в нём лишь закреплялись особые правила, обычаи использования языковых единиц старославянского происхождения. «Дух» же языка, его содержание оставались восточнославянскими и передавали менталитет книжника Древней Руси, в которой формирование литературы приходилось на освоение культуры как таковой.

Книжно-славянский тип языка, зафиксированный в оригинальной древнерусской литературе («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона; «Слово на антипастуху», «Слово на вербницу», «Слово на вознесение» Кирилла Туровского; произведения житийной литературы «Житие Феодосия Печерского», «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора, «Сказание о Борисе и Глебе», жития преп. Сергия Радонежского и Епифания Премудрого), отличался от церковно-славянского языка тем, что он постепенно сближался с восточнославянской речью, в нём использовались элементы древнерусского языка, им передавалось новое, древнерусское содержание.

Однако в теории и истории русского литературного языка понятия 'старославянский', 'книжно-славянский' и 'церковно-славянский' часто смешиваются, языком книжности в Древней Руси и в Московском государстве большинством учёных признаётся церковно-славянский язык в его самых разных вариациях – отсюда и пестрота в номинации содержания 'старославянский по происхождению' в научной и учебной литературе [1].

Церковно-славянский язык, будучи языком церковной литературы и церковного богослужения, за время своего функционирования в восточнославянском мире пережил несколько потрясений, вызванных влиянием

внутриязыковых и экстралингвистических факторов.

В древнерусский период развития русского языка в связи с возвышением Киева как столицы Древней Руси, с развитием культуры вообще и культуры книжного слова в частности, в связи с формированием новых политических, экономических, социально-бытовых, частных и государственных отношений церковно-славянский язык пополнился единицами живой восточнославянской по происхождению речи, которые вносили в него книжники, писцы, переводчики и переписчики. В.М. Истрин пишет: «На этом этапе развития литературного языка продолжало происходить старое взаимодействие между письменностью и её деятелями-книжниками: готовая письменность давала материал для книжных людей, а последние, в свою очередь, вносили в общее достояние новые выражения и новые оттенки старых слов... Напр., в одном и том же переводном памятнике (хроника Георгия Амартола) греческое слово *δίκη* передавалось: «вина», «испытание», «месть», «место», «образ», «осуждение», «ответ», «слово», «суд», «судьба», «томление», «тяжа»...» [3].

С образованием Московского государства последовало объединение земель вокруг Москвы. Формирование единого Московского государства, идея единства великорусской народности, подъём национального самосознания, рост и укрепление централизованной монархии и самодержавной власти, прославление прошлого и настоящего Московской Руси, идея утверждения титула Великого князя, а позднее и Царя всеа Руси – все эти позитивные шаги светской власти совпали с желаниями высшего духовенства сделать Москву новым центром православной религии – «Третьим Римом». Захват турками-мусульманами Балканского полуострова, Византии, Болгарии, завершившийся взятием в 1453 г. Константинополя, сопровождался миграцией южнославянских книжников, священников, просветителей, учёных в Московскую Русь, куда они при-

возят болгарско-византийскую литературу с её пышностью, риторичностью, пафосом и патетикой. Южнославянские просветители в Московии начинают исправлять церковно-славянский язык богослужебной литературы, сориентировав эту правку на систему норм старославянского языка.

Реформа письменности была осуществлена на всех уровнях языковой системы. Напр., в графике: 1) русское уставное письмо заменяется южнославянским полууставом, отличающимся меньшей геометричностью букв, наклонным их расположением; полуустав характеризовался более беглым письмом, чем устав, но был менее четким в чтении. Рукописное полууставное письмо перешло в печатные книги, где оно господствовало от Ивана Федорова до петровских времён; 2) по образцу греческого письма в тексты вводятся надстрочные знаки: *титла* – для сокращённых слов и *силы* – для обозначения ударения, а также идеографические изображения ‘глаза’ ⊙, ‘змеи’ ⚡, ‘окрест себя’ ⊗, ‘мёртвого человека’ ⊕; 3) вновь вводятся юсы: **Ж** – юс большой и **А** – юс малый для обозначения звуков [y], [‘a], которым в старославянском языке соответствовали носовые гласные; 4) в написании йотированной буквы **ѡ** исключается *ј* перед гласным (*всеа, добраа, копия*); 5) сочетания редуцированных гласных с плавными согласными заменяются сочетаниями согласный + гласный, т. е. их стали писать по старославянскому образцу (*трѣгѣ, плѣкъ, прѣвий*); 6) сочетания *ги, ки, хи* заменяются сочетаниями *гы, кы, хы* (*гыбѣль, пакы, хытрѣць*); 7) в формах слов восстанавливаются мягкие свистящие согласные, образовавшиеся по второй палатализации на месте твёрдых заднеязычных согласных (*врази, руцѣ, послуи*); 8) во флексиях буква **ѣ** заменяется буквой **ь** по сербскому образцу (*умь, словенескъ, Ростиславь*) и т. д.

В середине XVII в. церковно-славянский язык в связи с изменением языковой ситуации, вызванным религиозными, политическими, культурными, экономическими проблемами, переживёт ещё одно потрясе-

ние, связанное с реформированием русской православной церкви патриархом Никоном, который считал, что церковь, возглавляемая им, отошла от древнеправославных канонов и оказалась в расколе с греческой церковью.

Одержимый идеей «священство выше царства», патриарх Никон в прямом смысле поставил монарха на колени во имя реформации русской православной церкви, которой отводилась главенствующая роль во вселенском православии. Никон поддержал стремления Богдана Хмельницкого воссоединиться с Россией, мечтал об освобождении балканских славян, о завоевании Царьграда. Идея православной империи, которой будет управлять патриарх, а значит, сам Никон, вдохновила Никона на реформацию церкви. Его не устраивала разница между русским и греческим церковными обрядами, поэтому Никон решил унифицировать русскую церковную обрядовость по образцу греческой церкви, тем более она была совсем недавно введена на Украине и в Белоруссии. Перед великим постом 1653 г. Никон предписал московским храмам заменить двухперстное крестное сложение трёхперстным, выправить богослужебные тексты, изменить церковные обряды. Отказавшихся от выполнения этих требований предавали анафеме, ссылали в необжитые районы Российского государства, казнили, заточали в тюрьмы. Никон мечтал о беспредельной власти, наподобие власти Папы Римского. Однако царь, бояре, дворянское сословие выступили категорически против средоточия единой власти в руках патриарха. В 1658 г. Никон оставил патриарший престол. Собор 1666-1667 гг. осудил и Никона, и старообрядцев, однако одобрил реформу православной церкви.

Движение старообрядчества возглавили царский духовник Стефан Вонифатьев, Иван Неронов, протопоп Аввакум. «Боголюбцы», как они себя называли, стремились достичь единства нации, веры, культуры, проповедуя в миру, среди простого народа. Они не доверяли православным грекам, украинцам, белорусам, считая, что под властью турок

и поляков нельзя сохранить чистоту веры. Реформу Никона «боголюбцы» расценили как надругательство над национальным самосознанием, многовековыми традициями православной русской церкви, русской культурой. Занимаясь социально-христианской деятельностью, «боголюбцы» проповедовали Слово Божие среди простого сословия, возродили личную проповедь, толковали Священное Писание простым языком, открывали школы и богадельни. Старообрядческое движение ширилось за счёт ремесленников, крестьян, низшего духовного сословия. Официальная церковь расценивала это как посягательство на духовную власть, как бунт против существующего церковного устройства, против верхушки русской православной церкви.

Протопоп Аввакум, пройдя школу лишений, унижений, пыток, голода, нищеты в Москве, Тобольске, Даурии, Пустозёрске, не изменил своим взглядам на русскую церковь, её обряды, соборность, православную культуру. *«Держи, христианин, церковная неизменна вся... И не передвигай вещей церковных с места на место, но держи. Что положиши святии отцы, то тут да пребывает неизменно, яко же и Василий Великий рече: не прелагай пределы, яже положиши отцы»*, – пишет Аввакум. Он до самой смерти остался верен своим убеждениям, пламенным борцом за весь русский уклад, за весь национальный быт русского человека, непримиримым обличителем деятельности власти предрержащих. Для Аввакума православие тесно связано с укладом, бытом русского православного человека: гибнет православие – гибнет и «светлая Русь».

Несмотря на противостояние старообрядцев, церковно-славянский язык на протяжении нескольких веков стал функционировать в русле никоновских реформ. История русского народа и русского двуязычия распорядилась так, что языковая ситуация на Руси и в России сохранила два феномена – русский язык и церковно-славянский язык два уникальных родника Слова, посредством

которого можно выразить все реалии окружающего мира, все движения души, все отвлечённые понятия, молитвенное обращение к Богу и т. д.: «...в своём «младенчестве», на заре православного самосознания народа, живой и кипящий родник восточнославянской речи был «крещён в животворящих струях» языка церковнославянского, и органическое слияние двух кровнородственных стихий (восточно- и южнославянской) дало мощный толчок развитию необычайно многообразной и гибкой стилиевой системы языка русского», – пишет Л.В. Савельева [7].

Длительное насильственное отчуждение русского народа от православной культуры и церковно-славянского языка в годы безбожия в XX веке сформировало у наших соотечественников стойкое неприятие православной веры, жизни по церковному укладу и канонам и полнейшее незнание церковнославянского языка. Русский человек превратился из приходящего в церковь (прихожанин) в проходящего мимо церкви. Иногда, забежав в силу любопытства в храм, он не вникает в содержание того, что возвещается священными лицами, а обращает внимание на то, как ведут себя служители церкви, как они одеты, какие замечания они делают молодым прихожанам, его возмущает поведение батюшек, их невнимание к их проблемам и т. д. Не желая потрудиться в деле своего церковного образования, отвергая чтение «непонятных» текстов Священного писания, такие «прихожане» начинают ратовать за изменение канонов православной веры, желая подогнать их под себя. Самое распространённое недовольство вызывает «непонятность» церковно-славянского языка. А поэтому поступают предложения изменить язык современной православной церкви: перевести богослужение на русский язык, провести реформу современного церковно-славянского языка, отредактировать современный церковно-славянский язык, заменив непонятные церковнославянизмы на прозрачные по своей семантике языковые соответствия: «Основное внимание

следует уделить лексическому составу языка: замене полностью малопонятных церковнославянских слов, а также тех слов, которые в современном русском языке имеют принципиально иное значение по сравнению с церковнославянским» [6].

Одиннадцать веков тому назад равноапостольные Мефодий и Константин создали язык богослужения на славянском языке в среде чуждых им племён, незнакомых с христианским духовным, культурным, лингвистическим, культурологическим наследием, которое нужно было создать, развить, совершенствовать, приспособить для славянской среды. Сегодня это наследие создано! Но как же мы с ним обращаемся? Ратуя за реформу церковно-славянского языка, его замену русским языком, мы попросту его уничтожаем вероломно, по-зверски, а самое страшное – сознательно. Не приведёт ли это к уничтожению нашей Родины, нашего народа? «Чтобы понять, почему наши предки говорили между собой на русском языке, а Бога славили на церковнославянском, посмотрим на герб России. Двуглавый орёл в древней Руси означал союз государства и Церкви. Одна голова орла смотрит на Запад, разговаривает с европейскими странами обычным русским языком. Другая голова зрит на Восток – во Святую Землю, изрекает священные слова молитвы на церковнославянском языке, беседует с Богом. Народ един и язык един, а слова находятся разные: – одни для Царя Небесного, другие – для земных дел» [5]. Заменить церковно-славянский язык русским – удалить одну голову у орла, редактировать церковно-славянский язык – изменить внешность у одного орла. К чему это приведёт? Совершенно очевидно, что этот капитальный ремонт станет началом конца нашей культуры, а то и нашей России: «...в ходе нарастающих процессов масскультурной глобализации главными задачами гуманитарных наук должны стать выявление и актуализация исторически сложившихся типов культуры, как **единственно возможный путь** сохранения духовных богатств, накопленных челове-

ством», – замечает Л.В. Савельева [7]. Так и хочется добавить: и сохранения в церковных обрядах церковно-славянского языка в том виде, в каком он дошёл до нашего времени.

Удивительные слова по этому поводу сказал русский государственный деятель А.В. Белецкий: «Въ одномъ чешскомъ изданіи, прошу замѣтить, органѣ католического духовенства, ... напечатали: «Вообразимъ на минуту, что Литургія, введенная св. Кирилломъ назадъ тому 1 000 лѣтъ, удержалась. Она составила бы между нами и Германіей болѣе высокую плотную стѣну, нежели Испиновы горы и Богемскій лѣсъ. Нашъ народъ былъ бы спасенъ отъ бѣдствій тридцатилѣтней войны... Вездѣ, гдѣ славянская Литургія удержалась, тамъ удержалась и славянская народность противъ внѣшнихъ вліяній. Дѣло святыхъ Кирилла и Мефодія стало оплотомъ и защитой цѣлаго славянства и будетъ для него несокрушимою стѣною противъ напора враговъ» (А.В. Белецкий, 11 мая 1887 г.) [8].

Россия с её языками – русским и церковно-славянским – несмотря на все препоны, испытания, влияния запада и нападки со стороны других государств, остаётся страной, где пока ещё господствует Божественная

Литургия на церковно-славянском языке – это значит, что Россия жива.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Войлова К.А. Термин «старославянский по происхождению» и его содержание в языке произведений А.С. Пушкина // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. – М.: МГОУ, 2011. – С. 45.
2. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М.: Высшая школа, 1984, с.79.
3. Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI – XIII вв.). – М., 2003. С. 106-107.
4. Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. – Париж, 1950. С. 254-255.
5. Лепехина К. Язык мой – друг мой. – Русская берёза, № 1 (январь 2012).
6. Проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». – М., 2011.
7. Савельева Л.В. К истокам византийско-славянской межкультурной коммуникации в свете актуальных задач гуманитарного образования в России // Славянское слово в литературе и языке. Материалы м/н научной конференции. – Архангельск, 2003. – С. 13.
8. Церковнославянская грамота. – Санкт-Петербург, 1998, с. 53.
9. Широков О.С. Языковедение / – Введение в науку о языке. – М.: Добросвет, 2003. С. 236.